

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Словом, традиционная "женская этика", начиная с XVIII века, не претерпела особых изменений.

Однако в среде русского дворянства к началу XIX века начинают происходить существенные сдвиги. Дворянство постепенно становится интеллектуальной элитой нации, формируется дворянская интеллигенция, где женщина играет не последнюю роль. Постепенно по уровню образования женщины становятся вровень с мужчинами, а иногда интеллектуально превосходят их. Подобный феномен отражен в повести Александра Пушкина "Рославлев". Полину, главную героиню, девушку умную и независимую, возмущает манера знакомых мужчин говорить с ней только о пустяках. Это, по ее мнению, обличает в них лишь незнание женщин. Юрий Лотман отмечает, что если в XVIII веке читающая дворянка была редкостью, то уже к началу XIX века чтение становится одним из основных занятий дворянской девушки. Женщины также составляют основной круг читателей русских журналов. Лотман отмечает, что основным занятием дворянки была служба, и жесткая, чаще всего военная иерархия накладывала определенный отпечаток на психологию мужчины. Женщина же "была менее втянута в систему сословных иерархий" и это обстоятельство предоставляло ей большую свободу мнений и большую независимость.

Основным кругом чтения, а значит - фактором, формирующим мировоззрение женщины были английские и французские романы. И тут происходит смешение двух взглядов на назначение и способ самовыражения женщины. Тенденция, идущая из Европы - основное содержание жизни женщины - любовь, жизнь сердца, по Белинскому. Этот взгляд отражен в его статье об "Евгении Онегине". Вторая тенденция - это народная этика, которой в конце концов и остается верной героиня.

Различие моральных норм женщины высшего общества и крестьянки было в то время существенным. Так, в дворянском быту "падение" девушки до свадьбы равносильно гибели, адюльтер замужней дамы - явление практически легализованное. Крестьянская этика позволяла относительную свободу поведения девушки до свадьбы, но измену замужней женщины рассматривали как тягчайший грех.

В романе эти мнения переплетаются в истории главной героини - Татьяны. Различие поведенческих норм впервые проявляется в сцене разговора Татьяны с няней.

"И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь,
А то бы прогнала со света
Меня покойница свекровь."

- отвечает пожилая несвободная женщина юной дворянке. Слово "любовь" имеет разную семантическую окраску для Татьяны и няни. Героини говорят на разных языках.

Подобный лингвистический казус Пушкин специально, и как всегда изящно, отметил в своих записках: "Спрашивал я однажды у старой крестьянки, по страсти ли она вышла замуж?" "По страсти,- отвечала старуха,- я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь". - Таковые страсти обыкновенны".

Понятие "любовь", "страсть" в народной среде иначе трактуются, любовь здесь не является смыслом жизни. В конечном итоге Татьяна остается верной именно "народной морали", она отказывается от любви во имя долга, заканчивая свой финальный монолог словами, стилистически близкими народной песне: "Но я другому отдана, Я буду век ему верна".

Любопытна дискуссия вокруг этого поступка. Заметим, что спор ведется не столько о литературной героине, сколько о том, как женщина должна поступить в подобной ситуации. Белинский расценивает финал как победу косного общественного мнения над незаурядной личностью. Но любопытно, что он требует от героини другого самопожертвования - разрыва с обществом ради любимого человека. То есть поступка, без преувеличения, героического: "Восторженные идеалисты, изучившие жизнь по повестям Марлинского, требуют от необыкновенной женщины презрения к общественному мнению. Это ложь: женщина не может презирать общественного мнения, но может им жертвовать скромно без фраз, без самохвальства, понимая всю великость своей

жертвы, всю тяжесть проклятия, которую она берет на себя, повинуясь другому высшему закону - закону своей натуры, а ее натура - любовь и самоотвержение".

Позиция автора - менее романтическая. Другой вариант финала намечен в отрывке "На углу маленькой площади". Главная героиня, Зинаида, полюбив Володского, порывает с мужем и светом. В результате любимый быстро начинает ею тяготиться, изоляция от общества начинает в свою очередь тяготить ее. Послушав голоса сердца, презрев устои общества, женщина проигрывает. Отказываясь от любви, сохраняет достоинство, но счастливей при этом не становится. Ситуация тупиковая. Адъюльтер безнравственен, уход из семьи невозможен.

Дальнейшие литературоведческие изыскания, как маятник, качаются между двумя полюсами. Однако, при всем разлии этих точек зрения, требование жертвы, самоотверженности является общим. Именно здесь закладываются основы "женской этики" в русской литературе. Главное - жизнь для других, семья, любимого человека. Пореформенная эпоха прибавит сюда еще и общественное благо.

Идеи эмансипации проникают в Россию только в 40-х годах с романами Жорж Санд. Темы свободы любви и права на развод живо обсуждаются в русской критике. Отношение к этой проблеме западников и славянофилов подробно проанализировал Л.Поляков в статье "Женская эмансипация и теология пола в России XIX века".

Парадоксально, но перед западниками, Чаадаевым, декабристами проблема не стояла - женщины приравнивались к несовершеннолетним и лишались всех политических прав. Тогда как славянофилы, в частности Хомяков, проанализировав творчество Ж.Санд, разработали целую концепцию. Признавая движение эмансипации протестом против социальной несправедливости, Хомяков выводит отсюда тезис об общей "моральной слабости" западной цивилизации, где мужчина имеет право на развод, а женщина не имеет. Автор статьи замечает, что он отодвигает в сторону политический и экономический аспект проблемы и останавливается исключительно на моральном.

Хомяков опирается на "домостроевский" взгляд на семью, как на духовный симбиоз, преодолевающий мужское и женское начало на пути к спасению души. Правда, главой и "духовным отцом" здесь является муж, ведущий женщину к духовному очищению. Поэтому право разорвать узы брака разрушит семейную гармонию, породит конфликт полов и так как патриархальные традиции не защищают слабую женщину от агрессивного мужского начала, эмансипация в конечном итоге приведет к еще большему порабощению женщины. Тогда как в патриархальной семье женское и мужское начало гармонизируется, эгоистическая любовь превращается в высший тип любви как "самоотрицающего эгоизма". Ответа на этот своего рода концептуальный манифест не последовало. Однако уже сама постановка проблемы была явлением незаурядным, прорывом, выходом в новое время - 60-е годы.

Итак, именно в начале XIX века закладываются направления развития русской литературы. Заняты этим, в основном мужчины, авторы и критики. Женщина, за редким исключением, пока что не является субъектом литературного процесса. Доминирует традиционно-патриархальный взгляд на женские этические ценности, главной из которых является самоотверженность. Неблагополучие семейного вопроса только начинает ощущаться. Идеи эмансипации, в жоржандовской трактовке, находят весьма специфическую оценку среди русских общественных деятелей. При этом женщина становится носителем высших этических ценностей. В дальнейшем писатели-прозаики, прежде всего Тургенев, сделают самоотверженную женщину истинно-национальным типом.